

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРИГЛАШЕННОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.14515/monitoring.2018.2.01

Правильная ссылка на статью:

Островская Е. А. Российская социология религии: религия общества (вступительная статья приглашенного редактора) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 2. С. 1—31. DOI: 10.14515/monitoring.2018.2.01.

For citation:

Ostrovskaya E. A. Russian Sociology of Religion: Religion of Society (introductory article of the guest editor). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2018. № 2. P. 1—31. DOI: 10.14515/monitoring.2018.2.01.

Е. А. Островская
РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ: РЕЛИГИЯ ОБЩЕСТВА
(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ ПРИГЛАШЕННОГО РЕДАКТОРА)

РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ: РЕЛИГИЯ ОБЩЕСТВА (ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ ПРИГЛАШЕННОГО РЕДАКТОРА)

RUSSIAN SOCIOLOGY OF RELIGION: RELIGION OF SOCIETY (INTRODUCTORY ARTICLE OF THE GUEST EDITOR)

ОСТРОВСКАЯ Елена Александровна — доктор социологических наук, профессор кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

E-MAIL: e.ostrovskaya@spbu.ru
ORCID: 0000-0003-0664-1514

Elena A. OSTROVSKAYA¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor

E-MAIL: e.ostrovskaya@spbu.ru
ORCID: 0000-0003-0664-1514

Аннотация. Российская социология религии и шире — социология религии постсоветского академического континума — самостоятельная отрасль социологии, обладающая собственным теоретико-методологическим инстру-

Abstract. Russian sociology of religion being part of a broader sociology of religion of the post-Soviet scientific landscape is a self-contained branch with its own theoretical and methodological tools and diverse applied studies of the

ментарием и тематически разнообразными прикладными исследованиями религий современного общества. В ее нынешнем институциональном модусе она продолжает развиваться в направлении укрепления границ собственной дисциплинарной идентичности. А это предполагает осмысление конгруэнтности ее перспективы рассмотрения социологическому поиску и обнаружению парадоксальных узлов социальной реальности, созданию методологий снятия парадоксов. Настоящая статья предлагает анализ общественной значимости тем, включенных в этот номер; она также содержит автобиографические нарративы, благодаря которым читатель может лично познакомиться с каждым из авторов, узнать об этапах работы с темой и путях, приведших ученых в сложное поле социологии религии.

В необычном репертуаре статей читатель обязательно найдет материал по вкусу: модель квантификации времени религиозных профессионалов, алгоритм построения маршрутизатора религиозного пространства города, биографическое лейтмотивное интервью и кроссконфессиональный подход в изучении религиозности, реинституционализация российского ислама и православия, транснациональные суфийские сети, буддисты-конвертиты и мусульмане-конвертиты, религиозно обусловленная политическая конфликтность, религиозные меньшинства мигрантов в постхристианском правовом контексте, неприходские православные братства, типологии современных российских православных, цифровой буддизм и онлайн переписка с трансцендентным, медийные среды традиционного православия.

modern society religions. This discipline keeps developing to set the boundaries defining its identity. Perspectives on this discipline are congruent to sociological search, finding paradoxes of social reality, designing a methodology to solve the paradoxes. This article explains the public relevance of the topics of the current issue and includes autobiographical narratives allowing the reader to become acquainted with each author, to learn about their work stages and how they came to this challenging field of study. The reader will definitely find something attractive in an unusual list of articles on various topics, namely, a time quantification model for religious professionals, an algorithm to describe the religious «router» of the urban religious space, biographical leitmotiv interview and cross-confessional approach to studying religiosity, reinstitutionalization of the Russian Islam and the Orthodox Christianity, transnational Sufi networks, Buddhist and Muslim converts, religion-based propensity for conflicts, migrant religious minorities in post-Christian legal aspect, non-parish Orthodox brotherhoods, a typology of the modern Russian Orthodox Christians, digital Buddhism and online interactions with the transcendent, and the media environment of conventional Orthodoxy.

Ключевые слова: социология религии, методология, количественные методы, качественные методы, постсоветское социокультурное пространство, конгруэнтная перспектива, биографический нарратив

Благодарность. Выражаю искреннюю благодарность всем, кто сделал возможным появление этого тематического выпуска. Прежде всего, моя глубокая признательность авторам, согласившимся участвовать в долгосрочном марафоне по подготовке уникальных текстов. Мой поклон и слова признательности команде журнала «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены», Валерию Валерьевичу Федорову, Наталье Николаевне Седовой, Анне Викторовне Кулешовой, Виктории Леонидовне Силаевой, благодаря которым был реализован этот проект. Хочу искреннее поблагодарить заведующего кафедрой теории и истории социологии СПбГУ, Дмитрия Владиславовича Иванова, мотивировавшего меня внести свой вклад в консолидацию профессиональной среды социологов религии.

Keywords: sociology of religion, methodology, quantitative methods, qualitative methods, post-Soviet cultural landscape, congruent perspective, biographical narrative

Acknowledgment. I would like to express my grateful appreciation to all those who made this thematic issue possible and to those authors who agreed to take part in this long-term marathon on writing unique papers. I would like to extend my sincere gratitude to the Public Opinion Monitoring team — Valery V. Fedorov, Natalia N. Sedova, Anna V. Kuleshova, Viktoria L. Silaeva; without them this project would have not been possible. My special thanks goes to Dmitry V. Ivanov, the head of the Department of Theory and History of Sociology at St Petersburg State University, who motivated me to make a contribution to the consolidation of the professionals working in the field of sociology of religion and provided advice at various stages of work.

Вплоть до конца 1990-х гг. социология религии появлялась в российском академическом пространстве преимущественно как словосочетание в учебниках по религиоведению. Советское религиоведение мыслило себя как мегадисциплина «о религии», отраслями которой являлись психология религии, антропология религии, социология религии и проч. В формате такой трактовки у социологии религии было мало шансов на самоопределение. Тем не менее, в период радикальных трансформаций, на фоне общей идеологической и социокультурной энтропии, стартовали первые социологические исследования религий новой страны и общества. Именно в этот период совершенно эмерджентно складываются направления отечественной социологии религии. Оглядываясь на пройденные дисциплиной три десятка лет, можно констатировать, что сформировалась она отнюдь не благодаря какой-либо поддержке извне или политической волею, а вопреки. Вопреки многолетнему академическому хаосу в области самоопределения границ дисциплин, занимающихся научным изучением религий. Вопреки

попыткам ученых прежних крепких формаций длить парадигму организационных и научных монополий.

В дне сегодняшнем российская социология религии заявляет о себе многообразием школ, направлений и тематик. Она представлена работами научных коллективов и талантливых одиночек, собственными концептуальными открытиями и рефлексией о методологии, методах и теориях зарубежных коллег. Отчетливо просматриваются маркеры институционализации российской социологии религии — консолидация среды ее профессионалов, преодоление идентичности младшего брата-бастарда, вечно цитирующего старшего англоговорящего братца, создание регулярно функционирующих площадок для конференций и апробации новинок. И все это становится возможным исключительно мотивацией и подвижнической активностью конкретных ученых и солидарностью инициативных коллективов. Приведу два примера.

В 2017 г. вышел в свет «Энциклопедический словарь социологии религии» — плод совместных усилий отечественных и зарубежных социологов религии из 18 стран Европы, Азии и Северной Америки. Этот фолиант активно внедряется в практику высших учебных заведений, востребован среди профессионалов, занятых исследованием религий современного общества. Однако лишь немногим известно, что десятки исследователей, участвовавших в его создании, объединились вдохновением и консолидирующей волей санкт-петербургского ученого — профессора Михаила Юрьевича Смирнова.

Второй пример — Минская международная научно-практическая конференция, стартовавшая впервые в 2009 г. по инициативе группы единомышленников — П. Н. Костылева (Москва, МГУ), С. И. Шатравского (Минск, БГУ), О. С. Киселева (Киев, НДПУ), В. В. Литвинчука (Минск, БГУ), Т. А. Фолиевой (тогда — Волгоград, ВФ АТиСО). Также следует отдать должное И. Х. Максутову (Москва, МГУ), И. Л. Крупнику (Москва, МГУ) и Л. Д. Владыченко (Киев, НДПУ), консолидирующая деятельность которых позволила расширить исследовательские и организационные границы. Эта небольшая группа активистов смогла сплотить других вокруг идеи создания международной конференции ученых-религиоведов, социологов религии, антропологов и философов, в которой приняли участие около 40 ученых из России, Украины, Белоруссии, Польши. Эта конференция проводится раз в два года на базе Института теологии Белорусского государственного университета; она превратилась в широкомасштабное научное мероприятие, объединяющее ученых из разных стран бывшего Советского союза и стран соцлагеря. За пределами оргкомитета, все той же малой группы единомышленников, мало кто представляет, что каждый раз ее проведение — результат отчаянной победы над сопротивлением чиновников, отсутствием финансирования и возможностей его получить, маргинальной позицией религиоведения.

В Минской конференции 2017 г. приняли участие около 200 человек из более чем 10 стран. Разнообразие тем и научных подходов на секции «Социология религии» заставили задуматься о возможности ознакомления профессиональной социологической аудитории с достижениями специалистов нашего направления. Такую возможность предоставил журнал «Мониторинг общественного мнения», доверив мне работу приглашенного редактора. Статьи, вошедшие в номер, —

результаты исследований регулярных участников секции «Социология религии» Минской международной научно-практической конференции. Репертуар тем и проблем, подвергнутых анализу в статьях этого выпуска, позволяет взглянуть на эмпирико-концептуальный срез российской социологии религии, познакомиться с разработками коллег, преподающими в ВУЗах стран постсоветского пространства. Тексты распределены по рубрикам, стандартным для журнала, что позволяет посмотреть на рефлексию о религии общества в ракурсе вопросов о теории, методологии и методах, обозначить политический, идеологический, социокультурный ракурсы преломления результатов социальной диагностики, поговорить о компонентах баланса политической и религиозной идеологий в формате «государство и общество», познакомиться с новаторскими исследованиями отечественных социологов религии, а также занырнуть в сетевое взаимодействие цифровых измерений религий российского общества. Отличительная особенность статей этого выпуска — их ориентированность на презентацию результатов авторских количественных и качественных исследований. Отдельно следует отметить, что в статьях с количественными методами исследования содержатся уникальные авторские разработки с привлечением методов математического моделирования, кластерного анализа, метода графов и проч.

В своем введении к выпуску я хочу не только кратко анонсировать свое видение актуальности тем статей, включенных в этот выпуск, но и предоставить возможность читателю лично познакомиться с каждым из авторов, соприкоснуться с биографиями этих ученых.

Итак, в раздел **«Теория, методология и методы»** вошли статьи, посвященные таким высоко дискутируемым темам российской и западной социологии религии, как разработка теории и методологии социологического изучения религиозности современного общества; корреляция методов количественного и качественного исследований религии конкретным объектам. В объектном приложении отечественной социологии религии количественные методы применяются научными коллективами и лабораториями преимущественно к изучению статистически доминантного христианства. Качественные — для изучения статистически малых религиозных организаций и групп. Наряду с этим прослеживается все еще не отрефлексированная отчужденность методологии и теории исследования религии от конкретных методов. Зачастую исследователи даже не задаются вопросом, в рамке какого теоретико-методологического подхода будет проводиться задуманное ими прикладное изучение того или иного феномена. Представленные в разделе статьи следует рассматривать как серьезный шаг в направлении преодоления обозначенного отчуждения. Вопрос о корреляции между избранной методологической рамкой исследования и подбором адекватных ей методов количественного или качественного исследования решается в каждой из статей с подробной аргументацией.

В равной степени содержательно раскрыты возможные перспективы решения проблемы конгруэнтности предметной области социологии религии, ее концепций и подходов базовому посылу социологии в целом. И здесь я имею ввиду прежде всего особенность предмета социологии как научной дисциплины и специфического способа освоения социальной реальности — ее нацеленность на поиск и обнаружение парадоксальных узлов современности и расшифровку или снятие этих парадоксов.

Открывает раздел статья Н. Н. Емельянова. В ней мы видим сочетание теоретико-методологического подхода, позволяющего взглянуть на долгосрочную проблему парадокса религиозности российских православных с непривычного ракурса, с количественными методами и методами математического моделирования. Исходя из методологической рамки теории религиозного рынка, созданной американскими социологами Р. Старком и С. Байнбриджем, автор предлагает взглянуть по-новому на парадокс российского православия. А парадокс этот обнаруживается в количественном разрыве между верующими-православными, заявляющими о своей религиозной принадлежности в опросах (69%), и теми верующими-православными, которые имеют регулярную религиозную практику и соотносят свою жизнь с православной ценностно-нормативной системой (3%). Данная ситуация неоднократно обсуждалась в работах отечественных социологов и религиоведов, но исключительно в ракурсе анализа этих самых верующих-православных. Н. Емельянов поставил вопрос иначе — каково «влияние деятельности священника на формирование религиозных практик современной России»? Подчеркну, что в отечественном социологическом обсуждении указанного парадокса еще никто не догадался взглянуть на православную религиозность сквозь призму вклада религиозных профессионалов, их временных затрат, организационных возможностей и влияния на формирование религиозности прихожан. Н. Емельянов сочетает количественную и качественную стратегии, дополняя их авторской моделью квантификации временных затрат священника.

Осмыслению корреляции между количественной и качественной стратегиями исследования религий российского общества и тем новым знанием, которое может быть извлечено с их помощью о религиозности россиян, посвящена статья Е. О. Беликовой. Она эксплицирует результаты долгосрочных социологических исследований полирелигиозного Волгоградского региона с помощью количественных методов, вскрывая белые пятна самой стратегии и обычно не афишируемые сложности ее применения к объекту, обозначаемому как «верующие/неверующие». Тем убедительнее предстает одно из ключевых обнаружений долгосрочной полевой работы автора — выход на религиозную идентичность дает лишь качественная стратегия. Е. Беликова полагает, что биографическое лейтмотивное интервью является наиболее подходящей стратегией для социологического изучения феномена религиозности и особенностей взаимодействия семей со смешанной религиозностью.

Статья трех белорусских коллег, С. Г. Карасевой, Е. В. Шкуровой, С. И. Шатравского, посвящена результатам многолетнего исследования религиозности постсоветских белорусов, претерпевшей значимые трансформации в истекшие два десятка лет. Читатель познакомится с аппликацией авторской теоретико-методологической разработки — кроссконфессионального подхода в сочетании с адаптированной многомерной моделью религиозности Ч. Глока и Р. Старка, предполагающей использование количественных методов. В статье рассмотрен один из ключевых аспектов этого исследования — сводный показатель оценки значимости религии представителями разных религиозных традиций современного белорусского общества. Этот ракурс позволил выявить и обсудить индивидуальную оценку значимости религии в жизненном целеполагании респондентов.

Возможность такого содержательного анализа обеспечена методикой конструирования рассматриваемого показателя, которая раскрывается в статье.

Применение качественной стратегии социологического исследования — это всегда некоторый вызов для исследователя. Пребывая уже более двух десятков лет в среде профессиональных социологов, могу с уверенностью сказать, что структурированное и включенное наблюдение трактуются, во-первых, как преимущественно антропологические методы, во-вторых, как методы, релевантные лишь для полевой работы в малых группах или закрытых организациях. Такая позиция не представляется оправданной. И в равной степени сомнительной видится уверенность, что изучать можно лишь тот объект, который тебе как исследователю хорошо известен: выбрал поле и сиди в нем, потому как знание объекта изнутри и в деталях вроде как страхует от ошибок. Например, если кто-то успешен в изучении буддийских или православных организаций, это само по себе легитимирует адекватность используемых подходов и выбранных методов. И вопрос о применении тех же самых подходов, методов и собственных концептуальных разработок к другому объекту даже не ставится, как если бы исследование каждой религии было сопряжено с созданием нового инструментария. Предлагаемая здесь статья Е. А. Островской и Е. В. Алексеевой позволяет поставить и обсудить эту щепетильную проблему применимости одних и тех же социологических методологий и методов к изучению принципиально различных объектов. Она поднимает ряд «неудобных вопросов», ответы на которые трактуются как часть «исследовательской кухни», как некое «личное дело» ученого. Меж тем, многолетние практические занятия с магистрантами и аспирантами показывают, что начинающему исследователю знакомство с «кухней» приносит значимо больше понимания и пользы в перспективе собственного полевого исследования, нежели теоретические лекции по методам и методологии. Полагаю, что преимущество социологии как раз и состоит в том, что разрабатываемые ею методологии претендуют на универсальность. Глубоко уверена, что методы сплошного описания и структурированного наблюдения могут быть использованы при изучении различных религиозных организаций. И, более того, они оказываются пригодны для охвата больших массивов данных. Именно это мы и продемонстрировали, предельно обнажив «кухню» изучения православного ландшафта Екатеринбурга. Нашей целью стало выявление компоненты организационно-религиозного взаимодействия в его контекстуальной и культурной уникальности. Сердцевину разработанной нами методологии составила комбинация стратегии сплошного описания в версии Н. Дензина и структурированного наблюдения в авторской операционализации. Полагаю, статья будет интересна для всех желающих подискутировать вокруг поднимаемых проблем, для тех, кто создает собственные программы эмпирического исследования и хотел бы наглядно ознакомиться с методиками формирования протоколов по структурным единицам наблюдения применительно к конкретному объекту и способами их дальнейшей обработки после периода сбора данных. Предложенная схема проведения исследования и обработки данных может быть свободно применена в любом другом городе.

Предоставлю теперь слово авторам рубрики, любезно согласившимся ответить на мои вопросы об их научной биографии. Я попросила каждого исследователя

осветить в формате лаконичного нарратива свой биографический путь к теме и шире — в социологию религии.

Прот. Н. Н. Емельянов. («Парадокс религиозности в России: откуда берутся верующие?»): «История появления данного исследования связана с моими личными наблюдениями и переживанием опыта исповеди в Николо-Кузнецком приходе г. Москвы. Приход, в котором я служу уже 23 лет, особенный. К нему приписано 7 храмов, его клир состоит из 21 священника и 7 диаконов, а большая часть духовенства преподает в Свято-Тихоновском университете (ПСТГУ). Настоятель, прот. Владимир Воробьев (он же ректор ПСТГУ), принадлежит к авторитетной и ярко выраженной пастырской традиции, центром которой является представление о священнике как духовнике. На практике это означает, что исповеди уделяется особое место и внимание. В Николо-Кузнецком приходе исповедоваться можно буквально в любое время и в любой день. Каждый священник считает своей первой обязанностью поговорить с пришедшим в храм человеком, ответить на любой вопрос, заданный даже в самый неудобный и неподходящий момент. В результате вокруг каждого священника, включая совсем молодых, складывается определенный круг прихожан, постоянно общающихся с ним. Со временем священник начинает ощущать определенное противоречие своей пастырской практики: людей, входящих в круг общения, становится все больше, он перестает успевать уделить каждому должное внимание. К этому ощущению нехватки сил и времени добавляется чувство внутренней двойственности таинства исповеди. Можно бесконечно описывать и типологизировать различные практики совершения исповеди, типы кающихся, способы пастырского действия, их сходство и различие с психотерапевтическим и иными способами воздействия на человека. Могут быть и иные основания для анализа и описания исповеди. Сложность состоит в том, что чем старше и опытнее становится священник, тем такое описание ему кажется менее адекватным и содержательным. Мистическая составляющая, которая может быть проанализирована и описана только с помощью богословского анализа, начинает ощущаться священником как безусловно преваляющая. На основании этих двух дихотомий: открытости к любому приходящему (как обязательному условию пастырства) против нехватки сил и времени; мистического содержания против внешнего механизма таинства исповеди, — была сформулирована основная гипотеза исследования, посвященная проблеме взаимодействия священника с верующими. Следует сказать, что данная работа стала важной вехой в развитии двух больших научных проектов. ПСТГУ — специфическое образовательно-научное учреждение, находящееся на границе Церкви, государства и общества. Продуктивное осмысление этой границы стало предметным и смысловым стержнем научного семинара, а затем Лаборатории социологии религии, открытой на богословском факультете ПСТГУ в 2006 г. Одной из самых интересных и проблемных тем в рамках научной работы лаборатории стало изучение деятельности современного священника. Эта тема получила и прикладное звучание, т. к. при ПСТГУ действует Богословский институт, который готовит священников для Русской Православной Церкви. Необходимость научного изучения проблем пастырской подготовки — причина формирования еще одного научного коллектива исследователей, который также

работал около полутора лет как научный семинар, а в 2017 г. был преобразован в лабораторию исследований церковных институтов богословского факультета ПСТГУ. Исследование взаимодействия священников и верующих стало проектом, объединившим в себе проблематику этих двух научных коллективов».

Беликова Е. В. («Поиски стратегии социологического изучения религиозной идентичности»): «...В 2003 г. я поступила в аспирантуру под руководством доктора философских наук, профессора Ольги Ивановны Сгибневой, где уже обучалась моя коллега, будущий религиовед Татьяна Александровна Фолиева. Так начался мой путь социологического изучения религий в Волгоградской области. Первое масштабное исследование в регионе мы провели в 2005 г., его результаты стали основой корректировки политики Администрации Волгоградской области в сфере отношений с религиозными объединениями. Массовые опросы, связанные с изучением государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений, состояние религиозности населения в регионе, проблем социальной и культурно-образовательной деятельности религиозных организаций, функционирования новых религиозных движений проводятся и сейчас. А тогда, в 2003 г., мы с коллегами столкнулись с многомерностью понятия «религиозность», выделением очень большого спектра критериев, а самое главное с вопросом «как же ее все-таки замерить?» Это подтолкнуло к поискам оптимальных методов изучения религиозности. Знакомство с разнообразием инструментария позволило мне по-новому взглянуть на предмет своих исследований, расширив теоретическую и методологическую базу. Спустя время, уже в 2013 г., я обратилась к инструментарию качественной методологии и изучению смешанных семей с различной религиозностью. Стало интересно, что внутри этого брака и как все это работает? Такие пары распространены в моем личном окружении: подруги вышли замуж за представителей другой религии, проживают рядом или уехали в другую страну. Чем больше я общаюсь с ними, их родителями, детьми, тем больше у меня появляется вопросов: что послужило причиной для заключения такого брака? (любовь само собой!) почему зачастую друзья и родственники негативно относятся к такому выбору, утрате идентичности, и остаются в «прошлой» жизни своих детей? Подавляющее число исследователей делает акцент только на этническом компоненте «смешанности» таких пар, но учитывая опыт межнационального существования в СССР, это, на мой взгляд, неверно. Религиозность, в первую очередь религиозная самоидентификация, одного из супругов или угасает, или подавляет другого. Проявление этого можно найти в бытовых примерах, работая методом лейтмотивного интервью. Но является ли этот подход универсальным? Какова оптимальная стратегия механизмов смены религиозной идентичности, насколько она обязательна и что за собой влечет?»

С. Г. Карасева., Е. В. Шкурова, С. И. Шатравский («Значимость религии в белорусском обществе: оценка верующих»): «В 1990-е на волне религиозного бума религиоведение читалось во всех белорусских вузах. Студентам, да и вообще всем людям тогда была интересна любая информация о религиях — все было ново и важно. В середине 2000-х в Беларуси религиоведение все еще читалось,

но уже по выбору и в небольшом объеме. Интерес к теме у населения, руководства факультетов и студентов угас, от преподавания ожидалось теперь не просто общеизвестные, а более глубокие и детальные сведения. Чувствовалась потребность понять, что такое религия? какие религии действуют вокруг? почему люди им следуют? чем отличаются религиозные люди от обычных? Но именно такой информации фактического характера не хватало. На тот момент были опубликованы результаты всего трёх больших белорусских исследований религиозности (1994, 1998—1999, 2005—2007) — несопоставимых по методам и данным. А ситуация все время менялась, не понятно было, как дальше без регулярных исследований... Год за годом в белорусских вузах все реже выбирали курс религиоведения, все меньше становилось коллег, интересующихся темой. Примерно в это пессимистичное для дисциплины время мы и пересеклись — Сергей Шатравский, Настя Доманская, Лена Шкурова и я (2008—2010). Сергей был преподавателем единственной кафедры религиоведения в стране (в Институте теологии БГУ). Мы с Настей работали на кафедре философии культуры факультета философии и социальных наук БГУ, читали религиоведение для разных факультетов вместе с еще двумя преподавателями (были и такие времена, теперь часов по религиоведению едва хватает на одну доцентскую ставку). Наша живая заинтересованность в предмете и отсутствие свежих адекватных данных о религиозной ситуации в Беларуси подтолкнули к идее провести исследование. Для этого Настя привлекла в нашу компанию Лену Шкурову, работавшую на кафедре социологии. Мы начали с изучения людей, которые нам казались глубоко, по-настоящему вовлеченными в религию (2010). Придумали простой автобиографический гайд и просили людей определенного типа, которых мы давно держали на примете, поучаствовать в исследовании. Собрали пару десятков анкет (2011). Но осознали, что у нас нет выборки. Мы ведь сами решали, кто, по-нашему, настоящий религиозно-вовлеченный. И уже под свой выбор получали подтверждающие анкеты. Но при этом не имели гарантий, что такая анкета не окажется подражательной, а наш якобы настоящий вовлеченный — просто ищущим... Получалось, что нужно большое количественное исследование, которое выявит типы вовлеченности, и один из типов, по идее, должен оказаться нашим искомым — настоящим. Нам тогда казалось, что это будет всем интересно — и религиозным организациям, которые год за годом прирастают последователями; и властям, регулирующим религиозную сферу; и вообще всем людям, которые ходят толпами святить пасхальную снедь, ездят на экскурсии в храмы и т. п. Мы с Настей даже вот просто видели (мысленно), как в религиозных организациях люди сидят и ждут, чтобы пришли исследователи и помогли им разобраться, что на самом деле у них происходит, как идут дела и т. п. Прикинули концепцию исследования, подали заявку в БРФФИ (2011). Не прошла. Было жалко бросать идею, да и разобраться очень хотелось в живой религиозной ситуации. Повезло — получили небольшую поддержку от Европейского христианского фонда. Благодаря ей и начали составлять проект уже подробно. Обещанная сумма оказалась такой маленькой, что первой и главной задачей было решить, как провести исследование без опросной сети... Месяцев восемь собирались в перерывах между парами один-два раза в неделю на кафедре, обязательно все вместе, плюс всегда звали любых «прохожих», которые могли включиться в дискус-

сию и проконтролировать нас на уровне здравого смысла... У каждого были свои чуть более освоенные религиозные направления: у Насти — гаудиа-вайшнавизм, пятидесятничество (с полевыми исследованиям), у Сергея — православие, буддизм, у Марины Казмирук (помогала на определенном этапе) — католицизм (харизматы, тоже с полевыми исследованиями). Нужно было держать в поле зрения разные типы религий, чтобы сформировать усреднено-универсальные инструменты опроса. Ну и по дисциплинарным подходам тоже старались выдержать диапазон, чтобы создать комплексный метод: у Насти было антропологическое HESP'овское образование, плюс высшее образование PR-менеджера, у Сергея — теологическое, у меня — философское, и в этих мастерских обязательно участвовала социолог Лена Шкурова. Когда сверстали более или менее внятный набросок концепции (2011), стали обращаться ко всем, к кому могли с просьбой о критике... Тогда мы заочно познакомились с Иваном Забаевым и Леной Пруцковой, например... Всем безмерно благодарны. Это была бесценная помощь. Отзыви на чью-то неизвестную концепцию были лично-незаинтересованными, без реверансов и не без жесткости — и очень полезными. В результате — мы серьезно все перекроили (2012). Дальше нужно было сделать следующее. Обратиться к руководителям религиозных организаций, чтобы они дали санкцию общинам — не просто участвовать в опросе, но и помочь его провести. Но сначала нужно было получить на это разрешение органа государственного управления по делам религий и национальностей. Задача оказалась несложной — нужно было просто аккуратно соблюсти все формальности процедуры обращения и получения ответа. Более того, в аппарате Уполномоченного по делам религий и национальностей Республики Беларусь нас снабдили контактными данными всех руководителей (республиканского уровня) зарегистрированных религиозных организаций и официальными письмами за подписью Уполномоченного к каждому из них лично.

Договориться с руководителями религиозных организаций об участии в исследовании оказалось более сложным делом. Первые встречи были конструктивными. Но когда дело доходило до проведения опроса, во многих случаях все стопорилось. Православная церковь почти год не принимала решение. Работа с религиозными организациями началась с проведения межконфессионального семинара (сентябрь 2012) по пилотажу нашей анкеты. На этом семинаре руководители трех религиозных меньшинств попросили нас исключить из анкеты блок вопросов о политических предпочтениях и об отношении к другим конфессиям. Потом эту просьбу поддержали в аппарате Уполномоченного. Пришлось исключить. Теперь их очень не хватает, этих вопросов... После семинара началась организация опроса по конфессиям, затем его проведение. Это заняло два с лишним года (2012—2015)... Исследование масштабное и сложное: пошел уже 6-й год с его официального начала (2012). Для его проведения было отпечатано 7000 экземпляров анкет. Собрано заполненных — около 3500 (беспрецедентно высокий процент для того метода опроса, которым мы пользовались), отбраковано более 600. Выведено больше 200.000 таблиц с данными (84 вопроса с разными типами шкал, 2723 валидных анкеты). Потом очень вязко шло обдумывание выводов: объем данных, новизна концепции, неординарность способа проведения, комплексный метод, постоянные обсуждения, необходимость быть правильно понятыми в публикациях...»

Островская Е. А., Алексеева Е. В. («Структурированное наблюдение как метод изучения религиозного ландшафта»). Алексеева Е. В.: «В 2012 г. я поступила в магистратуру факультета политологии и социологии УрФУ на специальность «социология маркетинговых исследований». Этот выбор был сделан осознанно — еще в период обучения на философском факультете поняла, что меня интересуют процессы современного общества, увлекает исследовательская работа. Но я понимала, что хочу проводить прикладные исследования, поэтому я выбрала магистратуру по социологии. Тогда и случился первый опыт самостоятельного полевого исследования по магистерской диссертации по теме «Потребность в классической музыке у жителей современного мегаполиса». Проводила анкетный опрос и глубинные интервью с посетителями Екатеринбургского театра оперы и балета. Исследование прошло удачно, работа была написана, диплом получен. Стало понятно, что нужен опыт настоящего, большого полевого исследования. В 2014 г. поступила в аспирантуру Уральского Федерального Университета на специальность «Социология культуры». В 2016 г. моя коллега из УрФУ, Екатерина Гришаева, пригласила к участию в гранте РГНФ по теме религиозной идентичности. Сама себя религиозным человеком я никогда не мыслила, считала, что вера — это чувство, ощущение, а я — человек рациональный, верю в научный подход. Но в то же время всегда с уважением и интересом относилась к верующим, воцерковленным и религиозным людям. Возможность провести исследование в этой сфере я посчитала чрезвычайно важной. В том же году наш университет посетила профессор СПбГУ Островская Елена Александровна. Ее лекция по биографическому нарративу произвела на меня сильное впечатление. Позже я узнала, что мы обе участвуем в одном гранте. Во время встречи проектной группы стало ясно, что мы обе стремимся к проведению полевого исследования. Также стало очевидно, что православная карта города нам толком не известна, а ведь планировали обосновывать выборку дальнейших глубинных интервью. Наметили план, создали программу исследования, долго бились с созданием протоколов. Большую помощь оказали мои коллеги — молодые преподаватели Шумкова Валерия Александровна и Ананьина Валентина Тимофеевна. Они помогли найти студентов, из которых впоследствии были созданы малые рабочие группы. Ребята студенты-религиоведы и социологи прошли инструктаж под моим руководством. А затем в течение нескольких месяцев выходили в поле и собирали данные. Отдельно хочется отметить нашего волонтера-религиоведа Ивана Регульского. Он взял на себя самые трудные для исследования объекты — храмы на кладбищах, в больницах, на закрытых территориях... В процессе реализации проекта отдельной задачей для нас стало не просто разработать инструментарий, а сделать его удобным для использования в процессе наблюдения (на службе). Конфигурацию таблиц приходилось изменять несколько раз, делать более компактной и понятной. Каждый вариант нужно было тестировать «в поле». После нескольких попыток лучший вариант был найден. И в поле отправились студенты... Так началась наша совместная работа. Долгая и увлекательная. Это оказалось сложнее, чем я ожидала, но процесс захватывал и добавлял сил. До момента проведения исследования я редко посещала храмы. А сейчас мне пришлось подробно изучать религиозную карту родного города, я узнала, какие конфессии представлены в Екатеринбурге, где располагаются

их духовные центры... Главная интрига для меня самой состояла в том, какой в итоге получится целостная картина такого большого города как Екатеринбург? И как представить эту картину так, чтобы она была ясна не только мне, но и тем, кто никогда не был в Екатеринбурге? Как представить данные, чтобы ими смогли воспользоваться последующие исследователи, может быть построить на их основании выборку применительно к собственному объекту исследования?»

В статьях раздела **«Социальная диагностика»** разговор идет о принципиально новых организационных и содержательных форматах традиционных нехристианских идеологий. Дан анализ уникального эмпирического материала по реинституционализации традиционного ислама, буддизма и православия. В фокусе внимания оказались те принципиально новые коммуникации, формы организации и модели воспроизведения религий исторического наследия России, которые появились как результат оппозиции традиционно закрепленного и привнесенного извне силою радикальных политических и социокультурных трансформаций постсоветского общества. Читатель получит уникальную возможность сравнить российский, белорусский, украинский и польский социокультурные контексты.

Современное российское общество воспроизводит мультирелигиозность прошлого, обогащенную принципиально новыми организационными формами. Надо понимать, что изучение нехристианских традиций исторического наследия РФ — ислама, буддизма, иудаизма — разнообразно представлено в работах отечественных специалистов. Однако результаты таких изысканий остаются слепым пятном для социологии и социологии религии, они замкнуты в узких профилях специальностей — в нишах исламоведения, буддологии, востоковедения, теологии. Причины подобного изолированного изучения в устаревшей советской и даже дореволюционной трактовке предметных полей социогуманитарных и общественных наук, когда их развитие напрямую зависело от политических и геополитических расстановок интересов Российской империи, а далее Советского Союза. Жесткость и непроницаемость границ востоковедения, исламоведения, буддологии имеет своим следствием пренебрежение относительно современной методологии и методов исследований. Более того, в стремлении осовремениться эти дисциплины пытаются ввести такие направления, например, как социология буддизма, социология ислама. В свою очередь, социологи, религиоведы, политологи и культурологи предпочитают «не связываться» и «не лезть» в тонкости этих специальностей, разрешая себе думать, что и впрямь буддизм, ислам, иудаизм и проч. требуют создания неких особых социологий и антропологий. Следствие этой устаревшей стратегии — невозможность адекватного аналитического суждения о современных организационных формах нехристианских религий, игнорирование глобальных и транснациональных форм гражданской, политической и социокультурной активности индивидуальных и групповых акторов глобальных сетей различных азиатских религий. Так, организации и группы неэтнических буддистов и неэтнических мусульман РФ квалифицируются религиоведами в качестве необуддистов и неомусульман, а все прочие «нео» оказываются объектом исследования специалистов-сектоведов, причем сектоведов с артикулированной «православной позицией». В качестве глобальных и транснациональных сетей в отечественных социогуманитарных работах фигурируют международные рели-

гиозные организации с множественными филиалами по миру. Иными словами, реальность оказывается выброшенной за борт, внимание сосредоточено на привычных, удобных, комфортных схемах.

Предложенные в статье Р. М. Гибадуллина и Р. В. Нуруллиной научные разработки напрямую затрагивают проблемы реинституционализации российского ислама. Анализируя современные практики традиционных религиозных профессионалов, имамов, авторы наглядно демонстрируют, сколь сложны и неоднозначны для понимания процессы в исламских регионах РФ, каким трансформациям подвергаются прежние, советские, модели политически конформного религиозного взаимодействия и религиозного образования, каковы новые, оппозиционные, модели исламской коммуникации в условиях провозглашенного государством плюрализма мировоззрений.

Статья Д. В. Брилева вскрывает новые организационные формы глобального функционирования ислама, но ислама медийно не популярного, не транслирующего конфликт и угрозу, а потому и вынесенного за рамку аналитического мониторинга. Меж тем, тематически разнообразная деятельность глобальных форм ислама — транснациональных коммуникативных исламских сетей — непосредственно воздействует на локальные государственные решения, привносит новые социокультурные смыслы и модели в практику социальных взаимодействий. Особый интерес представляет рассмотренная Брилевым украинская часть транснациональной суфийской сети аль-Ахбаш, ключевые акторы которой сочетают в своей активности сотрудничество с государственными органами и интенсивную проповедь в среде украинских мусульман.

В статьях С. И. Шатравского, Б. Плишки, Д. Чакон-Тральски введен новый для российской социологии религии материал о сообществах белорусских буддистов-конвертитов и польских мусульман-конвертитов. Тема иноэтнической конверсии — религиозного обращения в религии, не имевшие прежде социокультурного опыта институционализации вне азиатских регионов и стран, — все еще мало и слабо изучена. Социологическая концептуализация иноэтнической конверсии, сообществ и организаций конвертитов движется лишь благодаря усилиям отдельных одиночных исследований. И тем важнее данные, материалы и рефлексии, предложенные авторами. Будучи статистически малыми, подобные религиозные сообщества трактуются как в принципе не актуальные для социологического внимания. Меж тем, в большинстве своем конвертитские организации выступают активными акторами различных транснациональных сетей религиозных идеологий. Как показывает мой собственный опыт долгосрочного мониторинга таких сетей, их актуальная социальная диагностика вносит значимый вклад в продвижение экспертных и аналитических знаний по конфигурации глобальных политических идеологем.

Весьма прегнантны и собственные авторские рефлексии о сложности объекта изучения, об ограниченности прежних устаревших форматов его изучения, мотивах научного интереса и динамике прихода к социологической методологии изучения.

Гибадуллин Р. М., Нуруллина Р. В. («Имамы в современном Татарстане: типология и тенденции развития): «... Наш интерес к исламской проблематике и творческое содружество начались в рамках научно-методологического семи-

нара по исламоведению, который регулярно проводился на кафедре истории Камской государственной инженерно-экономической академии (г. Набережные Челны) в 2000-х гг. Семинар был организован по инициативе преподавателей разных кафедр, имел неформальный статус и чаще всего проходил в форме «круглых столов». Мы обменивались мнениями по различным актуальным проблемам, дискутировали, знакомили друг друга с книжными новинками, планировали совместные проекты. Несмотря на отсутствие финансирования, иногда удавалось пригласить в качестве докладчиков известных учёных, в т. ч. зарубежных. Например, к нам приезжал и выступал иранский исследователь Саид Джавад Мири (Тегеран). На семинар приглашались также религиоведы, получившие образование за рубежом (Мармарский университет в Турции, университет Аль-Азхар в Египте). В свою очередь, мы стремились проводить мероприятия за стенами академии, там, где имелась аудитория, проявлявшая живой интерес к обсуждаемой проблематике (в мечетях, медресе, татарско-турецком лицее). Эта проблематика была разнообразной, наряду с классическими направлениями исламоведения (теологией, исламским правом, философией и историей ислама) нас интересовали и проблемы социологии ислама. Последнее стало со временем основным. Во многом этому способствовало то, что по мере погружения в ситуацию мы стали яснее осознавать, насколько современные российские социологические исследования по исламу подвержены ориентализму (о котором писал Эд. Саид), как, впрочем, и наши собственные подходы. В какой-то момент мы поняли, что преодоление ориенталистских стереотипов в социологии ислама — главная задача. И задача эта чрезвычайно сложна, поскольку на волне критики не всегда удаётся предложить конструктивную альтернативу. Поэтому наши совместные проекты включают в себя как получение эмпирических результатов, так и поиски методологической ниши, свободной от ориентализма. Статья о типологии имамов — часть более масштабного исследования, охватывающего не только основные мусульманские институты (общины, улемы, образование и др.), но также исламские и исламоведческие дискурсы».

Брилев Д. В. («Суфийская транснациональная коммуникативная сеть аль-Ахбаш на постсоветском пространстве: пример Украины»): «Свой академический путь я начинал с психологии, с изучения измененных состояний сознания, в том числе в религиозных системах. Одним из основных исследовательских полей тогда стали представители суфизма, с чего началось мое погружение в новую для меня религиоведческую-исламоведческую тематику. Знакомство с практикующими суфиями привело к долгим взаимоотношениям, дав допуск внутрь сообщества, позволив наблюдать процессы, невидимые часто со стороны. Увлечение в рамках одной науки со временем увело меня в область религиоведения, с особым вниманием к исламоведению. Свою академическую инициацию (попросту — кандидатскую работу) я посвятил суфийской тематике (в глобальном масштабе). Эта увлеченность не прошла бесследно, повезло встретить на своем пути специалистов, чьи имена известны любому исследователю суфизма — Александр Кныш (Мичиган) и Марсия Хермансен (Чикаго). Совместное участие с этими людьми в трехлетнем проекте HESP ReSET «Islam:

Religious and Social Practices. Universality and Locality» позволило по-новому взглянуть на предмет своих исследований, расширив теоретическую и методологическую базу. Изучение суфизма в его нынешних проявлениях привело к необходимости осмыслить проблему современных транснациональных движений, поскольку суфизм никогда не оставался привязанным к прошлому, динамически развивался вместе с обществом и самими верующими. Но попытка обратиться к этой теме принесла понимание необходимости обращения к социологическому инструментарию, который позволяет рассмотреть транснациональный характер суфийских движений. В этом «нарушении границ» огромную помощь мне оказала Елена Островская, чью модель анализа транснациональных коммуникативных сетей религиозных идеологий я в итоге сумел применить к крайне интересному и развитому суфийскому движению аль-Ахбаш».

Шатравский С. И. («К проблеме классификации общин буддистов-конвертитов»): «... В апреле 1995 г. занесло меня в г. Клин в России. Это был первый переломный момент. Ехал туда специально, чтобы встретиться с родным братом приятеля, который тоже много где учился, судя по рассказам, человеком был очень интересным, и вдруг неожиданно для всех стал священником. Встретились. Я бросил философский, перешел из католичества в православие и уехал на три месяца в Сергиев Посад, работал там и готовился к поступлению в семинарию. Не поступил. Вернулся в Минск... Пошел за благословением к митрополиту Филарету, чтобы уехать в монастырь и снова пытаться поступать. Он спросил меня, чем я занимался, выслушал и сказал, что Церкви нужны образованные люди, не вернуться ли мне на философский. Я по-неофитски сказал, конечно же нет, философия — это тупик. Тогда он спросил, что я думаю о богословии, пояснив, что в Минске есть богословский факультет, обучение там бесплатное, хотя и без стипендии. В итоге я оказался на богословском факультете Европейского гуманитарного университета. Параллельно вольным слушателем ходил по возможности на лекции на философский... Старый друг познакомил меня с несколькими рериховцами, причем одни из них сочувствовали православию, другие — буддизму. У последних я брал читать книги по буддизму, поскольку мой священник из Клина говорил, что буддизм — это круто, но православие еще круче, а мне было интересно все, что круто. И вот, на третьем курсе учебы, это был 1997 г., происходит следующий, в каком-то смысле, переломный момент. У нас появляется предмет «История религий», который читал новый преподаватель Гойко Андрей Борисович. Удивительный был человек, называл себя буддологом, тибетологом, индологом, китаистом, показывал удостоверение востоковеда с номером 99, говоря, что, мол, вот вошел в сотку российских востоковедов. Но сам был православный. Вдохновил своей харизмой настолько, что я понял, что курсовые и диплом хочу писать только у него. Ответ обескуражил: если хочешь писать у меня, будешь писать по буддизму, а то помрет, дескать, Андрей Борисович, и не останется в Беларуси никого, кто разбирается в буддизме. Пришлось соглашаться, хотя и не без сопротивления. Начал скупать по букинистам литературу по буддизму. Пару раз ходил на встречи с какими-то приезжими тибетскими ламами, о которых узнавал главным образом от рериховцев. В марте 1998 или 1999, точно сейчас не помню, узнал о приезде очередного ламы,

но не тибетца, ну и, конечно же, пошёл на эту встречу. Там узнал много нового о буддизме: оказывается, Будда достиг нирваны, потому что у него было 500 жен. Сам лама, всякий раз занимаясь любовью со своей женой, об этом вспоминает. Также попробовал взять на заметку рекомендацию ламы вместо водки выпивать три бутылки пива... Да, этот лама и был лама **Оле Нидал**, как я его тогда называл, с ударением на последний слог в каждом слове имени. Только лет через 10 узнал, что он **Оле Нидал**. Это был его первый визит в Минск, организованный Ромой Корачевым, первым минским буддистом, путешественником, автором русскоязычного путеводителя по Непалу, с которым я познакомился намного позже, в году 2011 или 2012. Итогом стала дипломная работа под руководством Андрея Борисовича на тему «Трансформация индийских и иранских божеств в буддизме ваджраяны»... Потом меня как многообещающего выпускника стали готовить на учебу в Германию. Туда я уехал в 2001 г., опять же с темой по буддизму. Понимая, что придется дальше заниматься буддизмом, я пошел на отделение индологии и записался на курс санскрита; из 12 человек начального набора только я и еще один немец сдали финальный экзамен. Это потом весьма пригодилось: я остался на обучении в магистратуре в Германии еще на 3 года, мне нужен был второй предмет, и вторым стала индология... В Германии мне посчастливилось учиться у двух профессоров — Ханса-Юргена Грешата (в сфере научных интересов которого был и буддизм, он ставл моим руководителем) и Майкла Пайя, профессионального япониста и буддолога, возглавлявшего в ту пору подразделение религиоведения на философском факультете. С профессором Грешатом мы встречались раз в неделю по пятницам в течение трех лет, проводили время за научными беседами — часа 2—3 при каждой встрече. Именно от него я услышал, что предмет истории религий часто понимается узко, именно как «история». Однако современность тоже является историей, об этом часто забывают исследователи. «На наших глазах возникает новая религия — я бы назвал это западный буддизм. Он существенно отличается от азиатского буддизма. Это происходит сейчас и это нужно исследовать», — говорил он мне как напутствие, когда я уезжал в Минск после написания и защиты немецкой магистерской по истории религий. В декабре 2004 г. я вернулся в Минск, вел с А. Б. Гойко историю религий и несколько спецкурсов. Исследованиями занимался мало, не понимая, как к ним подступиться. Хотя с буддистами Карма Кагью связь и установил, но бывал у них редко, считая их недобуддистами какими-то. В 2008 г. неожиданно умер Гойко, не дожив до 47 лет один месяц. Начал читать весь курс сам и часы по восточным спецкурсам. Вызвал меня митрополит Филарет и, расспросив об итогах и результатах учебы в Германии, предложил пойти экстернатом в Минскую духовную академию. Началась активная работа над темой... В описываемый период произошли еще три важных события. Первое — организация первой Минской религиоведческой конференции в 2009 г. Это было важным, так как конференция имеет продолжение и дает возможность знакомиться с коллегами. Второе — знакомство на этой конференции с профессором из Польши Хенриком Хоффманном. Именно он буквально заставил меня писать доклады на польские конференции, статьи. До этого, не думая совершенно о «карьере» преподавателя, я не участвовал ни в каких конференциях как докладчик, только как переводчик

с немецкого для гостей, не писал статьи. И третье — более тесное знакомство и общение со Светланой Карасевой. Ее я знал еще со времен учебы в ЕГУ, она вела там небольшой курс. Она меня не знала. Но тут началось общение, и именно в ключе проведения религиоведческих исследований в Беларуси... Стал чаще появляться у буддистов, ездил на три месяца в Германию работать в библиотеке и там посещал центр Карма Кагью. Много и пристально думал об изменившейся ситуации белорусского религиозного многообразия. Значимым этапом стало исследование религиозности Беларуси, затеянное Карасевой, в нем моя часть — количественные опросы адептов буддийских организаций. Потом поездка в Индию в 2014 г. на два месяца, где я сбежал на неделю с курсов и поехал по буддийским местам в Бодхгайя и Сарнатх... В 2015 познакомился с Е. А. Островской, она доступно и внятно рассказала про методологию социологического исследования и вдохновила своим примером...

Чакон-Тральски Д. («Конверсия в ислам: постепенное преобразование versus радикальное изменение»); Плишка Б. «Мотивы конверсии польских мусульманок»): «...Вот уже несколько лет мы исследуем ощущение тревоги у молодежи и прежде всего тревоги из-за угрозы терроризма. Хотя в Польше не было терактов, почти половина исследуемых студентов испытывает беспокойство по этому поводу. Угроза терроризма в Польше однозначно ассоциируется с исламом, который в последнее время имеет весьма дурную славу. В этом отношении, конверсия в ислам — интересное явление. Польша — страна, где преобладают адепты Римско-католической церкви. Смена религии большинства на религию меньшинства — серьезное событие! А тут переход в религию не просто иную, но и пользующуюся столь дурной славой. Многократно сталкиваясь с этим явлением в своих социологических изысканиях, мы все-таки решились на исследование вопроса, каковы мотивы конверсии в ислам. В Польше обращенные — это прежде всего, женщины, они и стали объектом исследования; мы занялись проблематикой, связанной с религиозным обращением. Нас интересовали такие моменты, как жизнь до обращения, мотивы принятия новой религии, формы обращения, отношение к религиозным правилам, к одежде, отношение к конвертитам со стороны социального окружения, отношением обращенных к окружению, мнение о супруге, прошедшем конверсию. И что важно, каждый из нас в своем поле вскрыл вещи, отличающие наш материал и выводы от западных исследований по конверсии в ислам. Вот, например, что мотивирует обращенных женщин к смене веры, как она происходит. Само сознание потенциальных угроз не является достаточным условием для рационализации собственного поведения. Молодые польки, ставшие объектом исследования, получили хорошее образование, занимали довольно высокое социальное положение, но были готовы принять религию, которая обрекает их на подчинение мужчине (прежде всего мужу-мусульманину). Результаты исследования создают неожиданное представление о женщинах, которые не только без сопротивления решаются на понижение социального статуса и даже автодеградацию, но готовы это навязывать другим, в том числе, собственным дочерям».

Статьи раздела **«Государство и общество»** представляют отдельный блок тематик, требующих самостоятельной научной рефлексии, новых подходов, воз-

можно, и полной ревизии устоявшихся. В фокусе авторов находятся множественные конфликтные репрезентации религиозных коммуникаций, противоречивые и конвенциональные статусы этнорелигиозных сообществ, новые формы институционализации традиционного православия. Российские религиозные организации находятся под постоянным прицелом критики и обсуждений со стороны государственных деятелей, политиков, юристов, журналистов, обывателей. Эти разнообразные дискурсы о религиях общества порождают фиксированные диспозиции, в которых одни религии предстают в качестве «полезных», «толерантных», «традиционных», а другие — в образе «вредных», «опасных», «нелегитимных», «сектарных». И надо обладать недюжинной научной смелостью, чтобы артикулировать и проблематизировать эти темы, ввести их в повестку современного социологического дискурса.

В диспозиции государство и общество остро актуальной предстает тема социологического анализа идеологической ангажированности правовой рефлексии современных обществ о религиях. Статья А. Тетерина вскрывает совершенно нетривиальные развороты привычных осмыслений — какими реальными свободами и правами располагают религиозные меньшинства мигрантов в правовой рамке, сконструированной толерантным постхристианским большинством стран Европы. Автор помещает читателя в правовую логику рассмотрения дел в международных судах, знакомит с неожиданными результатами прикладных исследований, демонстрирует столкновение бесконфликтной реальности религий с их «воображаемым» конфликтогенным имиджем.

Не менее провокативна ключевая мысль статьи Е. В. Родионовой — религиозная конфликтность и конфликтность межрелигиозного взаимодействия не являются феноменами социальной реальности *suí generis*. Религиозно обусловленная конфликтность — это идеологема, конструируемая и насаждаемая политическим и правовым дискурсами об обществе. Опираясь на долгосрочный опыт собственных исследований, Е. Родионова показывает, что сами по себе мировоззренческие позиции и религиозные установки не имеют конфликтного потенциала. Регулярный вброс медийных сообщений о конфликтогенности одних религиозных групп на фоне толерантности и демократичности других структурирует общественное мнение о позициях определенных религиозных организаций в публичном пространстве идеологий.

Жемчужиной данного раздела мне видится тема, вводимая статьей М. В. Шилкиной, — организационные контуры баланса религиозной и политической идеологий в пределах современного российского общества. И тему эту автор препарирует сквозь призму рассмотрения реинституционализации современного российского православия в направлении закрепления новых организационных форм. Впервые в рамках социологического анализа оказывается феномен неприходских православных братств, формирование которых маркирует острые периоды общественно-политических кризисов и подъема церковной жизни России.

Многие нестандартные вопросы подняты авторами в статьях. Озвучу лишь некоторые из них. Как формируется общественное мнение о мигрантах у населения крупных мегаполисов и глубинки? Столь ли кристально нейтральны решения международного европейского права по вопросам о правах и свободах

мигрантских этнорелигиозных сообществ в постхристианской повседневности? Насколько равны в правах нехристианские мигрантские сообщества и христианское местное население? Почему российский обыватель и «кухонный демон» вовлечены в глубоко личностное обсуждение «Матильды» и считают своих соседей трудовых мигрантов опасными? Каков публичный имидж РПЦ и реальная подоплека конструируемых образов межрелигиозного конфликта? Как выглядит реинституционализация православия? Православные гражданские организации — это возможно?

Тетерин А. В. («Интеграция мигрантов и право на свободу вероисповедания: современные проблемы»): «Девять лет назад я принял решение подать документы для поступления на юридический факультет Поморского государственного университета в г. Архангельск. Выбор был определен желанием изучить право, участием в олимпиадах по обществознанию, относительной близостью областного центра к малой родине и смутными восторженными представлениями о деятельности юриста, больших перспективах в этой профессии. В процессе учебы определилась и сфера интересов. Прекрасно преподаваемые дисциплины «Конституционное право России», «Конфессиональное право», написание работ и участие в научных конкурсах под руководством Плотникова Андрея Анатольевича (заведующего кафедрой конституционного и муниципального права) во многом определили дальнейшее направление моей деятельности... Во время учебы в ВУЗе я начал работать юрисконсультантом в небольшой фирме, чтобы «попробовать право на практике». Продолжив юридическую практику после окончания специалитета, поступил в аспирантуру. Поначалу собирался писать диссертацию по проблемам реализации права на свободу совести и вероисповедания, но она вызвала нарекания с точки зрения актуальности... После долгих размышлений начал изучение нового для науки конституционного права направления — конституционной конфликтологии. В процессе работы над темой все отчетливее вызревала потребность в междисциплинарности, в социологическом изучении смежных с конфликтологией и конфессиональным правом вопросов...»

Родионова Е. В. («Конфликтотенный потенциал религиозных установок жителей мегаполиса: по материалам исследования в СПб»): «Я закончила факультет социологии Санкт-Петербургского университета с отличием в 1999 г. и поступила в аспирантуру. Мне повезло, научным руководителем был Дмитрий Гавра. Именно он своим научным чутьем определил направление моей дальнейшей карьеры. Благодаря его руководству я успешно защитила кандидатскую диссертацию по теме «Социальные факторы политической толерантности в современном российском социуме». После этого был долгий период исследований в области социальных и межкультурных коммуникаций. Мое закономерное возвращение к тематике социальных конфликтов и толерантности произошло благодаря совместной работе с профессором Борисом Николаевичем Мироновым. В 2015 г. он пригласил принять участие в проекте «Этноконфессиональная политика России: имперский, советский, постсоветский период». В ходе работы над проектом я провела несколько социологических исследований этнических проблем в Санкт-Петербурге. При подготовке

отчетных материалов стало очевидно, что не хватает эмпирических материалов именно по конфессиональным проблемам. Вопрос методов был определён логикой и опытом моих исследований — количественные телефонные опросы. Конечно, было понятно, что такой метод опроса для исследования религиозности имеет определённые ограничения, но основные направления религиозных противоречий и конфликтов можно было выявить. Количественный опрос — хорошая база для разработки дальнейших исследований факторов религиозных конфликтов. Особенный интерес представляет анализ конфликтогенного дискурса, транслируемого СМИ в отношении церкви и различных религиозных институтов. Хотя в самом общественном мнении этот конфликт не выражен, напротив, для большинства религия — общая историческая традиция и неотъемлемая часть культуры».

Шилкина М. В. («Православные братства в Русской православной церкви как церковный и социальный проекты»): «Рассказ о моем интересе к теме православных братств — это, по сути, рассказ о моем воцерковлении и вхождении в жизнь неформального неприходского Преображенского православного братства. Мой первый осознанный интерес к вере, к жизни церкви появился в 1991 г., когда в Тверской государственной университет приехал с открытой лекцией московский священник Георгий Кочетков. Он выступал перед студентами, перед преподавателями кафедр общественных наук, была на обеих лекциях, меня поразила новизна и глубина всего, о чем он говорил. Мелькнула даже мысль, что отец Георгий знает просто все на свете, потому что он очень живо и глубоко отвечал на все заданные вопросы. А их были десятки и десятки. И говорил он совсем на другом языке, просто и глубоко одновременно. Это был разговор на экзистенциальном уровне. После этого было много других встреч, поездки в Москву, в храм, где он служил, прохождение годичной катехизации для взрослых, т. е. научения христианской вере и жизни по вере. К концу этих катехизических встреч я уже немного знала, что ведут эти встречи не просто отдельные подготовленные катехизаторы, а люди, объединенные в одно православное братство для общей жизни по вере, для общего служения возрождению Русской православной церкви и России. А поскольку эти цели всегда были для меня важны в жизни, не задумывалась, как мне быть после окончания катехизации или оглашения (от славянского «глас» — голос, т. е. научение с голоса, не по книжкам). Конечно, вступать в братство.

Оглашалась я не индивидуально, а в группе, большинство ее членов были преподавателями Тверского университета. Вот вместе мы в братство и вошли. Нас привлекала на огласительных встречах не только духовная глубина, не только открывающийся вдруг смысл жизни, истории, происходивших в эти 1990-е гг. перемены, но и методологическая логичность, выстроенность, целостность, последовательность всего процесса оглашения. Как преподаватели мы могли это оценить. Возникал интерес, как это происходит? Ведь нам на каждой встрече говорили: это не учеба, не занятия. Да мы и сами это видели, т. к. менялась наша жизнь, мы сами, наши отношения друг с другом, а не просто увеличивались знания о вере и церкви. Именно тогда сформировалось понимание, что настоящее гуманитарное знание не просто не противоречит вере, а может питаться ею, укрепляться и достигать неведомых ранее глубин.

Затем началась жизнь в братстве, воцерковлялись новые группы, и в результате такое же братство родилось в Твери. Я начала учиться в Московской высшей православно-христианской школе (ныне Свято-Филаретовский православно-христианский институт), помогавшей становиться катехизаторами. К этому времени я была кандидатом философских наук, доцентом, в Тверском университете была и. о. зав. кафедрой. Отец Георгий Кочетков пригласил работать в СФИ, в декабре 1997 г. я переехала в Москву. Вскоре административная работа в СФИ стала сочетаться с преподаванием. Я все глубже наблюдала жизнь братства изнутри. Институт был его самым важным, центральным проектом. Братство поддерживало его и финансово, и духовно, члены братства работали и учились в институте, получая в большинстве второе высшее образование... Надо сказать, что и братство, и институт постоянно находились под тяжелым давлением части официальных церковных структур. Вместе с тем у нас появлялось все больше друзей из среды научной и культурной интеллигенции. Лекции в институте читали С. С. Аверинцев, О. А. Седакова, Н. А. Струве, профессора МГУ, Института философии РАН. Нас поддерживали и укрепляли перед лицом этих гонений те профессора и священники, которые были научной богословской славой Русской церкви в XX веке: протопресвитер Виталий Боровой, архиепископ Михаил Мудьюгин, митрополит Антоний Сурожский... Я все больше задумывалась над вопросом, что происходит, как это возможно в обществе, которое все вокруг называют атомизированным, потребительским, разрушенным? ...Около семи лет назад мы познакомились с Теодором Шаниным, основателем, ректором, а сейчас президентом знаменитой Шанинки — Московской высшей школы социально-экономических наук, профессором Манчестерского университета Англии, всемирно известным ученым. Я много общалась и общаюсь с ним. Однажды он сказал: вам надо писать о себе в научных журналах. Пока вы не познакомите с важнейшими принципами и образами вашей жизни научное сообщество, о вас никто не будет знать. Вы будете оставаться невидимы миру. А значит, не исполните призвание, которое считаете своим — помочь возрождению народа и церкви. Это был последний импульс, который помог осознать направление моей научной работы, которое стихийно и так уже выстраивалось несколько лет: изучать непреходящие православные братства, их церковный и общественный потенциал.

В разделе «**Представляем исследование**» три статьи, принадлежащие авторству ярких ученых-исследователей, сотрудников лаборатории «Социология религии» Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Отличительная особенность лаборатории — ставка на социологическое изучение современного российского православия с использованием количественных методов. На всем отечественном социологическом пространстве это одна из немногих исследовательских организаций, проводящих регулярные полевые социологические исследования религиозной тематики, разрабатывающая инновационные методики, обогащающая отечественную социологию религии новым концептуальным инструментарием. И в фокусе внимания большинства проектов лаборатории — специфика и социокультурная уникальность российского православия. В контексте институционализации отечественной социологии религии принципиально важно, что ключевыми здесь являются вопросы построения адекватной методологии и обоснованной концептуализации.

Отмечу, оба вопроса остро актуальны по причине того, что теории, подходы изучения и концептуализации религиозности, предложенные западными религиоведением и социологией религии в 1960—1980-е гг., оказываются не всегда пригодны для реалий XXI века. Неизменное фиаско терпят попытки описать современную религиозность и верующего с помощью многомерной модели религиозности (ведь построенные на ее основе опросы дают представление лишь о неких «правильных верующих», или о «воцерковленных», оставляя за бортом всех тех, кто не попал в эту категорию). Применительно к российскому социокультурному контексту следует констатировать, что ни один из имеющихся подходов не позволяет объяснить парадокс религиозности приверженцев господствующего в стране православия. В РФ от 60 % до 80 % населения аттестуют себя в качестве верующих-православных, но лишь от 3 % до 14 % из них реально вовлечены в религиозную жизнь и жизнь приходов. Поиск способов снятия этого парадокса, объяснения сложившейся ситуации, представляется крайне важным, поскольку открывает путь к пониманию постсоветских социокультурных форм религиозности, места и роли религиозного фактора в жизнедеятельности современного общества.

В исследовании К. В. Маркина внимание направлено на верующего-пария — «прихожанина», «захожанина», «приношанина» — человека с расколотой идентичностью, критикуемого и православными священниками, и религиозными социологами. Он/она в массовых опросах аттестует себя в качестве православного, но на проверку оказывается не «воцерковленным». И далее все дискуссии ведутся вокруг проблемы веры/безверия, веры вне церкви, мировоззренческого плюрализма или прямой церковной критики в адрес нерадивых мирян. К. Маркин показывает, что применительно к таким православным — а их в современной России большинство — классический социологический критерий измерения религиозности в соответствии с посещаемостью храма вообще не работает. Они обнаруживают свой уникальный тип религиозности, фреймированный институциональным православием и христианским учением в целом.

Не менее провокативны статьи Е. В. Пруцковой и Е. Б. Мелкумян, предложивших на основе обработки результатов одного и того же количественного опроса — проекта «Великая суббота: Социологический опрос в храмах Восточного викариатства города Москвы» — две отличные друг от друга типологии современных православных. В основу типологии, разработанной Е. Пруцковой, положен критерий воцерковленности/невоцерковленности респондентов, а построение типов нанизывалось на ось включенности/невключенности в Пасхальные ритуалы. Двумя крайними полюсами типологической шкалы стали «празднующие воцерковленные» и «слабововлеченные». Между ними — четыре промежуточных типа православных респондентов, участие которых в ритуалах напрямую коррелирует с их религиозной вовлеченностью и принятием церковных таинств исповеди и причастия.

Типология, предложенная Е. Мелкумян, выстроена принципиально иначе. Ключевым критерием избрана включенность/невключенность календаря сакральных действий в годичное планирование жизненного континуума респондентов. Подчеркну, что в отечественной социологии религии нет исследований по проблеме темпоральной оси идентичности российских верующих. Не существует подобных работ и в западной социологии религии. Инновационность разработки

Е. Мелкумян состоит в попытке проанализировать, каким образом отстраивается временная саморефлексия православных верующих относительно религиозных и светских праздников. Таким образом, двумя крайними полюсами шкалы описания респондентов становятся «ориентированные на церковные праздники» и «празднующие» (все возможные праздники). Построение типов нанизывалось на ось участие/неучастие в православном календаре сакральных действий.

Читая исследования этого раздела, я много раз задавалась вопросами, как возможно совместить индивидуальную религиозную установку и дистантные беспристрастные цифры количественных исследований, в которых индивиды превращаются в кластеры, а вера в проценты? Как остаться беспристрастным и сохранить себя?

Маркин К. В. («Между верой и неверием: непрaktикующие православные в контексте российской социологии религии»): «...С 10 лет я посещал пятидесятилетнюю общину в г. Брянск. Затем, после 16 лет, баптистскую общину. Первое высшее образование получил в Брянском государственном техническом университете по специальности инженер-конструктор металлорежущих станков. В это же время я пришел в Православную Церковь. Подозреваю, что опыт различных форм религиозной репрезентации предвосхитил научный интерес к религиозности как таковой. Если точнее сформулировать, к процессу возникновения и развития религиозности в человеке и обществе, тому влиянию, которое религиозность на человека и общество оказывает. Размышления на эти темы подтолкнули меня после окончания университета к переезду в Москву для получения второго высшего богословского образования. Так я оказался в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете. Одним из основных впечатлений первых лет обучения стало осознание, что отчетливая религиозная позиция не обязательно мешает действительно научному характеру исследования религии. Плюрализм мнений и конкуренция теорий как главный элемент современного научного дискурса вполне ощущался в стенах, казалось бы, конфессионального учебного заведения. ...В ходе дальнейшего обучения я познакомился с Иваном Владимировичем Забаевым, он оказал решающее влияние на мой выбор направления научной деятельности и привел в лабораторию «Социология религии», где и работаю на данный момент. Можно сказать, что под руководством сотрудников лаборатории получаю третье высшее образование. Хочется выразить слова бесконечной признательности Елене Викторовне Пруцковой, которая бескорыстно вкладывает огромное количество труда и времени в научный прогресс коллег. ...Проблема изучения религиозности и её следствий в современном российском обществе — большая тема, которую разрабатывают несколько рабочих групп, как непосредственно в лаборатории «Социология религии», так и в университете в целом. Мне интересно было сфокусироваться на анализе теоретических подходов к интерпретации так называемой «слабой» религиозности. Такой тип религиозности обнаруживается у большей части российского общества, а социология религии предлагает верифицируемые инструменты для её изучения. Конечно, как и в любой гуманитарной научной дисциплине, речь идет не о точном предсказании каких-либо событий, а скорее о достоверном теоретическом объяснении того, что существует в области религиозного поля в России непосредственно

в данный момент. И тут появляется второй аргумент, делающий тему религиозности в России чрезвычайно привлекательной. Общим местом в науках, имеющих отношение к изучению религии, является признание собственного непонимания этого феномена, о чем косвенно свидетельствует множество его определений даже в рамках одной дисциплины. Однако при чтении работ не только практически всех российских, но и некоторых зарубежных исследователей создается впечатление, что данная точка зрения, если она вообще декларируется, является скорее данью «научному этикету», чем действительно исходной позицией. Естественно, данный тезис не более чем мое личное мнение, но именно оно наряду с непосредственным интересом к феномену религиозности и возможностью его эмпирического изучения вдохновляют меня заниматься именно этой тематикой».

Пруцкова Е. В. («Куличи и/или Причастие: типология православных верующих, участвующих в освящении пасхальной пищи»): «...На первом курсе социологического факультета НИУ ВШЭ я подружилась с Иваном Забаевым. Мы учились в одной группе, и оба горели желанием выжать из отпущенных нам в университете пяти лет максимум возможного. У нас были замечательные преподаватели — А. Б. Гофман, Ю. Н. Толстова, В. В. Радаев, К. В. Сорвин, А. А. Сусоколов, первый декан нашего факультета А. О. Крыштановский, и многие другие. Им было что рассказать нам-студентам. Но в то же время, встречаясь с ними всего пару раз в неделю на полтора часа, мы чувствовали, что упускаем огромные возможности. На втором курсе Иван предложил создать студенческую организацию, в рамках которой мы могли бы устраивать дополнительные семинары с некоторыми преподавателями, начать осваивать свою профессию на практике уже в университете. Вначале нас было трое — я, Иван и Андрей Ермолаев, затем к нам стали присоединяться и другие люди. Так в Вышке появился Социологический клуб «Город», его возглавил Иван. Мы организовывали социологические исследования в университете и не только, делали научные семинары, проводили свое время так, чтобы не было жаль бесцельно потраченных лет. Сейчас СК «Город», увы, прекратил свое существование, но со многими из тех, кто там был с нами, я общаюсь и работаю до сих пор. Там же я познакомилась с Дарьей Орешинной и Иваном Павлюткиным, с которыми мы в настоящее время проводим исследования в научной лаборатории «Социология религии» ПСТГУ. Потом была социологическая магистратура МВШСЭН... За время обучения я поняла, что мое призвание — работать с количественными социологическими данными. Мне казалось чудом, что из хаоса разрозненных цифр кластерный, факторный или регрессионный анализ способен воссоздать вполне упорядоченную и правдоподобную модель реальности. Я точно знала, где хочу работать — хотела заниматься анализом данных маркетинговых исследований. На пятом курсе университета А. Х. Кутлалиев читал нам лекции об интереснейших методах анализа данных, применяемых в маркетинговых исследованиях, и мне очень хотелось опробовать эти знания на практике. Так, сразу после магистратуры я попала в компанию «Бизнес-аналитика — Маркетинговые концепции» и вскоре доросла до руководителя отдела обработки данных. Работа была очень интересной, я работала с замечательными людьми, было множество творческих, нестандартных задач, но через несколько лет начала понимать, что

чего-то не хватает. В социологическом исследовании, как мне кажется, самое главное — сформулировать проблему исследования и его цель, и если удалось их нащупать, то можно считать, что полдела сделано. В маркетинговых исследованиях проблема и цель в большинстве случаев ясна и задана извне интересами заказчика. Кроме того, высокая специализация приводит не только к эффективной работе, но и к тому, что каждый отвечает лишь за малую часть всего проекта в целом, не контролируя процесс целиком. Мне хотелось самой ставить проблему, такую, чтобы она касалась чего-то, что действительно может менять жизнь человека, и проходить полный путь от ее постановки, через реализацию, до финального продукта — докладов на конференциях, статей, книг. И такая возможность у меня появилась, когда в 2010 г. Иван Забаев позвал поучаствовать в исследовании социальной деятельности РПЦ «Социальный работник на приходе» в рамках Исследовательского семинара «Социология религии» в ПСТГУ. Позднее на его базе в ПСТГУ возникла одноименная научная лаборатория, в которой и работаю. Я тогда мало знала о социологии религии, разве что Э. Дюркгейма и М. Вебера... Столкнувшись в качестве исследователя с жизнью, которая кипит в Церкви, открыла для себя новый мир и начала жадно поглощать литературу по социологии религии, знакомиться с методами исследования религии и религиозности. В этом процессе планомерно появился исследовательский вопрос: а влияет ли религиозность на что-либо в России? Социологам сейчас доступно множество источников вторичных данных, и я попыталась найти результаты массовых опросов, которые показали бы, на что она влияет. Каково же было мое удивление, когда я не нашла практически никакого влияния! При том, что по результатам международных опросов, во многих странах это влияние было очень сильным. Вопрос о причинах такого отличия силы влияния религиозности на ценности и нормативные взгляды в России и других странах лег в основу работы над моей кандидатской диссертацией... Хотя массовые опросы свидетельствовали об отсутствии влияния или очень слабом влиянии религиозности в России, качественные исследования показывали, что воцерковленные православные все же по своим установкам, ценностям, практикам отличаются от «среднестатистических» россиян. И тогда возникло предположение: а что, если по каким-то причинам воцерковленные люди не попадают в выборки массовых опросов? И для того, чтобы собрать о них социологическую информацию, необходимо иначе строить выборку? После этого мы провели наш первый массовый опрос прихожан «Три московских прихода», который показал, что прихожане трех крупных московских храмов, имевших при этом крепкую общину, действительно существенно отличались от среднего по стране. Последующие опросы прихожан 12 храмов с расширенным географическим охватом в рамках проекта «Социальная сеть православной общины» также подтвердили этот вывод. И вновь то же самое в репрезентативном всероссийском опросе воцерковленных православных в рамках проекта «Ортодокс-Монитор». Сейчас социологии очень многое известно о сильной религиозности православных — воцерковленности, мы знаем, что ценности, нормативные взгляды и практики этой части населения очень заметно отличаются от среднестатистических. Также мы многое знаем о той части населения, для кого «православный» является всего лишь синонимом слова «русский» или «россиянин», не предполагая какого-либо религиозного содержания.

Однако большая часть тех, кто относит себя к православному вероисповеданию, характеризуются не полным отсутствием религиозности, а, предположительно, своим уникальным типом религиозности. Наиболее широко его можно охарактеризовать как «слабую религиозность», хотя сам термин нуждается в уточнении в будущих исследованиях».

Мелкумян Е. Б. («Годичные циклы православных верующих, участвующих в освящении пасхальной пищи»): «... в 2007 году я окончила Московский государственный институт электроники и математики ВШЭ, факультет прикладной математики, специальность — инженер-математик. Шесть лет проработала в отделе обработки данных трекинговых исследований с базами данных, занималась обработкой и анализом данных маркетинговых исследований, подготовкой и программированием отчетов и презентаций. А в 2013 году случился резкий поворот совсем в другую исследовательскую область — Лена Пруцкова привела меня в проект «Социология религии» на Богословском факультете ПСТГУ. Там я и осталась в должности научного сотрудника научной лаборатории «Социология религии» Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сферой моих исследовательских интересов стали количественные методы сбора и анализа данных в социологических и маркетинговых исследованиях, а предметной областью — социология религии. В 2016 году развернулся проект «Великая суббота: Социологический опрос в храмах Восточного викариатства города Москвы», который проводился нашей лабораторией совместно с Синодальным отделом по Церковной Благотворительности и Социальному Служению (ОЦБСС) РПЦ. Мне довелось принимать участие практически на всех этапах его проведения. Сам проект возник как попытка ответить на вопрос, почему в преддверии Пасхи происходит огромный наплыв людей в храмы для освящения куличей, пасхальных яиц, пасхи, которые при этом практически не участвуют в церковных службах, таинствах. В процессе работы с данными, полученными в ходе проведения опроса «Великая суббота», мне стало интересно посмотреть, как люди, пришедшие святить куличи, относятся к остальным праздникам, как Пасха и другие праздники встроены в их жизнь? Можно ли построить типологию православных верующих на основании их отношения к праздникам, осмыслению календаря и соотносению с ним жизни респондента? Это и привело меня к теме, рассматриваемой мной в статье «Годичные циклы православных верующих, участвующих в освящении пасхальной пищи».

В раздел **Digital социология религии** вошли две статьи инновационные и по темам, и по объекту исследования. Контент статей, предлагаемых вниманию профессионального читателя, показывает, что реинституционализация российского буддизма и православия отнюдь не исчерпывается появлением новых организационных форм и транснациональным сетевым взаимодействием, представленным в живых практиках повседневного взаимодействия религиозных профессионалов и мирян, мирян с мирянами и проч. Традиционные религии РФ демонстрируют поразительный инновационный потенциал коммуникаций на публичных социальных аренах (и в медийном, и в цифровом измерениях). Проникая в коммуникативные пространства мировоззренческих медиадискурсов о социальной реальности и реальности трансцендентного, религиозные идеологии предлагают своим адептам

и шире — любому заинтересованному духовностью пользователю — новые ниши и способы преломления традиционных ценностей, идеологием и путей разворачивания жизненных проектов. Именно так формируются и консолидируются новые медиа и интернет-среды религиозного взаимодействия и коммуникации с трансцендентным. Полагаю, digital социология религии — это великолепная площадка для объединения междисциплинарных методологических перспектив и исследовательских интересов. В пользу этого свидетельствует беспрецедентно захватывающие сюжеты статей данного раздела.

Текст, посвященный социологическому анализу цифрового российского буддизма, принадлежит авторству уникальной группы ученых: Т. Б. Бадмацыренов, М. В. Скворцов, Ф. В. Хандаров. Инновационный характер проведенного исследования видится мне не только в том, что в социологию религии вводится принципиально новый объект — цифровой буддизм и новые сетевые буддийские сообщества. Но также и в применении методов математического моделирования, разработке собственного программного обеспечения — кроулер-сборщика данных социальных сетей. Наряду с этим читатель познакомится и, полагаю, будет удивлен статьей о новом культовом движении, возникшем вокруг «нетленного тела» Пандито Хамбо ламы Даши-Доржо Итигэлов в его онлайн и офлайн активности.

Ряд статей этого номера посвящены рассмотрению религиозности православных мирян, православным ландшафтам, новым организационным формам традиционного для России православия. Рассмотрение процессов реинституционализации православной идеологии предполагает погружение в контент медийных дискурсов, в многообразии циркулирующих в этом пространстве тематик, рубрик, жанров и идеологием. Именно эта тематика и составляет основной предмет статьи Е. И. Гришаевой и В. А. Шумковой. Авторы задались вопросом, как структурируется православный медийный дискурс, какие группы внутри православного сообщества используют печатные и интернет медиа для ретрансляции собственной версии традиционного православия или модели традиционалистской религиозной идентичности. В биографических очерках авторы подробно артикулируют основные инновационные компоненты своих исследований.

Бадмацыренов Т. Б., Скворцов М. В., Хандаров Ф. В. («Буддийские цифровые практики трансцендентности: VK-сообщество «Хамбо лама Даши-Доржо Итигэлов»»):

Бадмацыренов Т. Б.: «...Я начинал свою научную карьеру в 2000-х гг., когда интернет уже стал неотъемлемой частью повседневной жизни. Однако в исследовательском плане он не очень меня интересовал, поскольку я довольно долго не воспринимал его в качестве достоверного источника информации по буддизму. Вместе с тем, я обращал внимание на интересные вещи, происходившие вокруг буддизма в интернете. В 2003 г. впервые серьезно проанализировал контент буддийских форумов, на которых люди обменивались огромным количеством информации религиозного и даже буддологического характера. Кандидатская диссертация, защищенная в 2006 г., была посвящена буддийскому духовенству Бурятии как особой социально-профессиональной группе. В дальнейшем поле исследований несколько расширилось и включило изучение не только профес-

сиональных буддийских деятелей, но и мирян. Выяснилось, что пространство буддийских групп включает множество вариаций социальных форм, на которые оказывают влияния школы и направления, национально-политические и этнические факторы, территориально-поселенческая, половозрастная и социально-профессиональная структура. Неожиданно я обнаружил, что интернет тоже стал значимым фактором и, более того, особым пространством совершенно новых социальных форм буддизма... В 2006 г., когда интернет в Улан-Удэ был в основном через dial-up подключение, фактический монополист Мобилтелеком выпустил универсальные карты @burnet для оплаты услуг связи, в которых была предложена услуга по заказу молитв в Иволгинском буддийском монастыре-дацане. Примерно в это же время у буддийской традиционной сангхи России появляется собственный сайт, на котором также можно было заказать молебен онлайн. Позже, с появлением социальных сетей Facebook и VKontakte, я начал получать довольно много самой разной «буддийской» информации в виде картинок и постов. Однако исследовательский Digital turn в моем случае произошел при подготовке небольшого, как я тогда думал, доклада в декабре 2014 г. Темой выбрал российский буддизм в интернете, а по мере подготовки осознал, что эта очевидно актуальная тема практически не исследована российскими учеными. Несмотря на огромное количество разнообразной «буддийской» информации онлайн, отечественные научные публикации по буддизму в Интернете ограничивались буквально парой статей, в то время как англоязычная библиография уже выглядела весьма впечатляюще. В результате простейших запросов я получил гигантский объем данных о числе «буддийских» сайтов, количестве подписчиков-буддистов в социальных сетях и невероятное количество видео и аудио файлов. И совершенно по-новому стала выглядеть постановка исследовательских вопросов: как взаимодействуют онлайн и офлайн сообщества, «традиционные» и «нетрадиционные», «наследуемые» и «конвертитские» группы, как в это пространство входят индивиды. Особый интерес у меня вызвали религиозные онлайн-практики, когда я столкнулся с тем, что многие люди, видимо, обмениваются информацией, имеющей для них сугубо сакральное значение. Например, в сети «ходят» картинки, репостом которых можно получить пунья — религиозную заслугу и «улучшить карму». Особняком в этом ряду стоит персоналия Пандито Хамбо-ламы Итигэлова, умершего в 1927 г., его тело было эксгумировано и признано «нетленным» в 2002 г. Более того, у Д.-Д. Итигэлова оказалось большое число подписчиков, которые получали от него «послания». Я обнаружил, что в социальных сетях есть его профили, впрочем, как и огромное количество профилей Будды, Далай-ламы и других религиозных деятелей. Серьезным затруднением оказалось то, что я не очень отчетливо представлял, что и как делать мне как социологу, чтобы все эти удивительные и интересные вещи исследовать. В процессе работы над этой темой пришло понимание в необходимости привлечения специалистов в области математического анализа и программирования. Я был знаком с социологией интернета на тот момент довольно поверхностно. Вместе с тем, знал, что несколько небольших SMM-исследований провел мой коллега-математик — Хандаров Федор Владимирович, старший преподаватель кафедры информационных технологий Института математики и информатики БГУ, специалист в области математического моделирования, анализа данных, мето-

дов оптимизации. В течение последних нескольких лет он увлекается решением дискретных графовых задач, кластеризацией путем максимизации модулярности, подсчетом центральностей, в том числе PageRank. Я обратился к нему за помощью в определении исследовательских стратегий и, так сложилось, что он в этот момент также стоял на «распутье» и решал, как и чем он будет заниматься в дальнейшем. Чуть позже к проекту также подключился Скворцов Максим Васильевич, ведущий разработчик в небольшой софтверной компании, выпускник ИМИ БГУ. Помимо основной занятости он разрабатывает небольшой коммерческий стартап-проект по созданию кроулера — сборщика данных социальных сетей. С этим проектом он уже привлек начальное финансирование из фонда Бортника по программе «Умник». До этого Федор Хандаров и я пересекались в нескольких небольших проектах в области математической обработки данных социологических исследований, а Максим Скворцов и Федор Хандаров имели большой опыт совместных проектов в области программирования и математического моделирования. Результатом такой междисциплинарной коллаборации стал проект «Разработка математических моделей виртуальных буддийских сообществ в социальных сетях», который был поддержан РФФИ. Он является апробацией разработанного Максимом Скворцовым и Федором Хандаровым алгоритмического и программного обеспечения, позволяющего применять автоматизированные нереактивные методы сбора данных и математического моделирования».

Хандаров Ф. В.: «С позиций научного исследователя ситуация выглядит так. Мы с Максимом Васильевичем Скворцовым со студенчества занимались разными аспектами анализа данных. Начинали мы с «модных» искусственных нейронных сетей. Постепенно это расширилось до машинного обучения вообще, а потом увело меня на глубину — в непрерывные и дискретные методы оптимизации. Михаил Скворцов сосредоточился на алгоритмических и технологических аспектах распределенных, многоагентных, систем хранения и обработки данных. С самого начала мы пытались «прикладывать» свои изыскания к предметным областям, работали со всеми подряд: от биологов и медиков — до экономистов и политологов. При этом для нас не менее важным, чем научная новизна в нашей области, являлось и достижение определенных успехов в той науке, в которой эти методы применяются. Сбор данных, выявление в них неочевидных закономерностей, трактовка полученных результатов, построение прогнозных моделей, написание заявок на гранты, статей и отчетов — вот основные этапы совместной работы. Основная проблема всегда была в том, что 80 % переговоров о совместных проектах с «предметниками» обычно кончались на этапе сбора данных, на словах «предметника»: «Мы вам завтра данные принесем». Это всегда нас злило — неиспользование имеющихся возможностей. Тимур Баторович оказался одним из немногих «предметников», с которым дело пошло. За несколько лет мы переросли сотрудничество в форме «заказчик-исполнитель» — и вот уже Тимур Баторович заходит к нам, чтобы побеседовать с нашими студентами-математиками об их понимании, кого считать настоящим буддистом, мы участвуем в гуманитарных форумах с лекциями вроде «Что может современная математика?»

В техническом плане дело доходит уже до разработки совершенно утилитарных вещей, например, веб- или мобильных приложений для проведения специа-

лизированных социологических опросов. Нам всегда были интересны религия, философия, психология — все эти сферы социального знания, тем более в точках их соприкосновения с повседневной действительностью. А буддизм — неотъемлемая часть жизни в Бурятии. Некоторая часть населения принимала Прибежище, большинство (и не только этнические буряты), не задумываясь, посещает дацаны «потому что так принято» или по какому-то поводу. И это действительно интересно, обнаруживать закономерности, касающиеся и лично тебя».

Гришаева Е. И., Шумкова В. А. («Традиционалистские православные медиа: структура дискурса и особенности функционирования»): «Мы обратились к изучению православных медиа в рамках исследования религиозной идентичности. В предыдущих исследованиях мы использовали дискурсивный анализ, чтобы обнаружить и описать транслируемые модели православной идентичности и стратегии взаимодействия с секулярным обществом. Неоднородность православия в идеологическом аспекте — фокус нашего исследования. Постепенно мы пришли к пониманию необходимости детального рассмотрения каждой из групп современного православия и их медийных изданий. Представленное в статье исследование мы посвятили православному традиционализму. Это довольно влиятельная группа в общественном пространстве современной России. Исследование традиционалистских православных медиа позволит зафиксировать то, как меняется современное православие. В данном случае анализ и описание медийных изданий мы провели под иным углом зрения, вдохновившись работами по медиатизации Стига Хьяварда. Эта теория привлекла нас, поскольку различные сферы в современных обществах все больше опосредуются медиа. Религиозные общины и религиозные идентичности изменяются под их влиянием. То, как религиозные сообщества взаимодействуют с медиа, представляет особый интерес, т. к. в этом случае сталкивается секулярная логика медиа и консервативные религиозные смыслы».